

- ⁵ Овчинников Р. В. Следствие и суд над Е. И. Пугачёвым и его сподвижниками. М., 1995. С. 87.
- ⁶ Блок Г. Пушкин в работе над историческими источниками. М.; Л., 1949; Каталог архивных документов и соответствующих им текстов Пушкина в «Архивных тетрадах» и в «Истории Пугачёва» // Овчинников Р. В. Пушкин в работе над архивными документами («История Пугачёва»). Л., 1969. С. 190–265; Овчинников Р. В. За пушкинской строкой. Челябинск, 1998; Оксман Ю. Г. Пушкин в работе над «Историей Пугачёва» и повестью «Капитанская дочка» // Оксман Ю. Г. От «Капитанской дочки» к «Запискам охотника». Исследования и материалы. Саратов, 1959. С. 5–133.
- ⁷ Мавродин В. В. Восстание Е. И. Пугачёва в общественно-политической мысли, исторической науке и художественной литературе эпохи феодализма // Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Восстание Пугачёва : в 3 т. Т. I. Л., 1961. С. 15. См. также: Там же. Т. III. Л., 1970. С. 32, 33.
- ⁸ Тоёкава К. Оренбург и оренбургское казачество во время восстания Пугачёва 1773–1774 гг. М., 1996. С. 134, 224.
- ⁹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 17 т. Т. 9, кн. 1. М., 1995. С. 206–355.
- ¹⁰ Журнал из домашних записок... // ОР РНБ. Ф. 542. № 659. Л. 5 об.
- ¹¹ Там же. Л. 2, 2 об., 13.
- ¹² Там же. Л. 1, 4.
- ¹³ Там же. Л. 15 об., 16.
- ¹⁴ Там же. Л. 9, 16.
- ¹⁵ Там же. Л. 1.
- ¹⁶ Там же. Л. 9 (об).
- ¹⁷ Там же. Л. 6 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 16.
- ¹⁹ См., к примеру: Каниц Ю. фон. Слово в публичном собрании при казанских гимназиях, говоренное в 1775 г. М., 1775; Письмо Макарова Н. Ф. Макарову С. Ф. от 21 августа 1774 г. // Русская старина. 1890. Т. LXV. Февраль. С. 581; Поспелов А. Е. Записки о Пугачёвщине // Вестник Европы. 1870. Т. 3, кн. 6. С. 621.
- ²⁰ Журнал из домашних записок... // ОР РНБ. Ф. 542. № 659. Л. 15 об.
- ²¹ Там же. Л. 5.
- ²² Там же. Л. 4.
- ²³ Там же. Л. 13.
- ²⁴ Там же. Л. 8.
- ²⁵ Там же. Л. 3 об.
- ²⁶ Там же. Л. 4 об.
- ²⁷ Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Восстание Пугачёва : в 3 т. Т. II. Л., 1966. С. 186–187; Тоёкава К. Указ. соч. С. 178–179.
- ²⁸ Журнал из домашних записок... // ОР РНБ. Ф. 542. № 659. Л. 2 об. – 3.
- ²⁹ Там же. Л. 15 об.
- ³⁰ Подробнее о дворянском восприятии причин пугачёвского восстания см.: Буганов В. И. Пугачёв. М., 1984. С. 196, 366, 370–371; Кочережко С. С. Представления о причинах Пугачёвского восстания 1773–1775 гг. в контексте социальной психологии российского дворянства последней трети XVIII – начала XIX в. // Вестн. Самар. гос. экон. ун-та. 2013. № 6. С. 159–165; Мавродин В. В. Указ. соч. С. 8–24; Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. М., 1999. С. 227–229; Смирнов Ю. Н. Заволжский очаг и район восстания 1773–1775 годов // Поволжье – «внутренняя окраина» России : государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.). Самара, 2007. С. 154–155.
- ³¹ Журнал из домашних записок... // ОР РНБ. Ф. 542. № 659. Л. 1.
- ³² Там же. Л. 1–1 об.
- ³³ Там же. Л. 4 об.
- ³⁴ Там же. Л. 2, 7 об., 15 об.
- ³⁵ Там же. Л. 2.
- ³⁶ Там же. Л. 16.
- ³⁷ Там же. Л. 4.

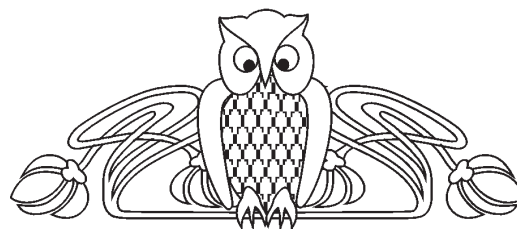
УДК 94/47

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ХЛЕБНОЙ ТОРГОВЛИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

П. С. Кабытов

Самарский государственный университет
E-mail: donkabytov2012@yandex.ru

В статье анализируются работы уфимского историка М. И. Роднова, в которых исследуются пространство регионального хлебного рынка и механизм хлебной торговли в Уфимской губернии. Показана степень новизны концептуальных построений историка, освещающего большой комплекс вопросов, связанных как с анализом историографии проблемы, так и с изучением степени достоверности комплекса документальных источников различно-

го происхождения, в том числе официальной и земской статистики, периодической печати, транспортной статистики и других материалов. Выявлен вклад историка в изучение механизма функционирования хлебного рынка, роли транспортной инфраструктуры и различных слоев и представителей предпринимательского социума.

Ключевые слова: аграрная историография, модернизационные процессы, хлебный рынок, статистические источники, предпринимательский социум, речной транспорт, железные и сухопутные дороги.

The Latest Researches on History of Grain Trade of the End of XIX – of the Beginning of the XX Centuries in South Ural

P. S. Kabytov

In article researches of the Ufa historian M. I. Rodnov in which the space of the regional grain market and the mechanism of grain trade in the Ufa province are investigated are analyzed. Degree of novelty of conceptual creation of the historian investigating big of a complex of questions, connected both with the analysis of a historiography of a problem, and with studying of degree of reliability of a complex of documentary sources of various origin, including official and territorial statistics, periodicals, transport statistics and other materials is shown. The contribution of the historian to studying of the mechanism of functioning of the grain market, role of transport infrastructure and various layers and representatives of enterprise society is revealed.

Key words: agrarian historiography, modernization processes, grain market, statistical sources, enterprise society, river transport, iron and overland roads.

Изучение процесса формирования хлебного рынка России началось во второй половине XIX в. Историкам-аграрникам хорошо известны труды А. А. Клопова, П. И. Лященко, В. П. Семенова-Тян-Шанского и других историков и экономистов. Существенный вклад в изучение внесли И. Д. Ковальченко, Т. М. Китанина, Г. А. Дихтяр и др. Историография этой проблемы получила отражение в двух новейших монографиях уфимского историка М. И. Роднова, опубликованных в Уфе в 2008 и 2012 гг. Эти исследования отличаются как постановкой проблемы, так и использованием новых подходов в изучении регионального рынка. В 2008 г. М. И. Роднов совместно с А. Н. Дегтяревым публикуют монографию, посвященную изучению хлебного рынка Уфимской губернии¹.

М. И. Роднов, изучая аграрные отношения, особо акцентировал внимание на месте и роли фермерских хозяйств в производстве товарного зерна. Важное значение, безусловно, имели работы предшественников, и об этом историк говорит в историческом обзоре. Он выделяет главный труд Т. М. Китаниной – монографию о хлебной торговле России с 1875 по 1914 г.² М. И. Роднов опирается также на региональные исследования, которые были опубликованы в Уфе, Оренбурге, Ижевске, Казани, Набережных Челнах. Отмечает он монографию Н. Ф. Тагировой, создателя «впечатляющего труда», в котором охвачены «практически все компоненты поволжского хлебного рынка»³, а также исследования Н. Л. Клейн и П. С. Кабытова⁴. Критически воспринял уфимский аграрник теоретические построения М. А. Давыдова, которому присуща «излишняя политизированность»⁵ и некритическое использование материалов Центрального статистического Комитета Министерства внутренних дел (ЦСК МВД)⁶.

Для М. И. Роднова характерно не только то, что он предпринимает поистине титанические усилия по выявлению источников, но и стре-

мится установить степень их достоверности и применить современные методы анализа. При изучении хлебного рынка автор использовал не только уфимские материалы, отложившиеся в фондах республиканского архива, но и материалы, извлеченные из фондов архивов Санкт-Петербурга, Рыбинска. В далекие 1970-е гг. я перелистывал пожелтевшие страницы российской прессы, например, такие издания, как «Торгово-промышленная газета», столичная и губернская периодика. Я восхищался сколь много можно почерпнуть ценнейшей информации по «business-history». И вот М. И. Роднов выполнил (блестяще!) эту задачу, что обогатило источниковую базу его исследования. Земские издания, справочные листки, адрес-календари – эти и другие издания также составили фундамент изысканий М. И. Роднова. И, конечно, использовались транспортная статистика, а также статистика речных компаний.

В монографии уделено внимание достоверности информации и просчетам, которые были допущены А. С. Нифонтовым. Ценно его замечание о том, что даже такие выдающиеся историки, как И. Д. Ковальченко, о достоверности урожайной статистики говорят скороговоркой⁷. М. И. Роднов и его соавтор также скрупулезно дали критику источников, которые возникли в недрах общинно-волостной администрации. Нельзя пройти мимо ярких и эмоционально прописанных портретных зарисовок этих администраторов, поставлявших сведения в земства, коронную администрацию и в статистические комитеты.

Отмечается значимость информации о посевных площадях в регионе за 1895–1897 гг.: «это первые данные, добытые принципиально иным путем, в результате экспедиционного обследования селений (общин), а не из волостных правлений»⁸. Авторы установили наличие тесных корреляционных связей, «близость показателей по крестьянским посевам за 1895–1905 гг.»⁹. И далее следует вывод о том, что «данные писарской статистики, публиковавшейся в хозяйственно-статистических обзорах, верно отражая динамику»¹⁰, занижают до 0,5 млн дес. площадь посева в регионе.

Негативно относятся авторы монографии к материалам сборников ЦСК «Урожай ... года». С известной долей скепсиса они говорят: «в мирное время пользоваться этой информацией нельзя»¹¹.

Статистика посевных площадей позволила авторам выявить динамику изменений посевов зерновых культур и проследить зависимость ее от внутренних и внешних факторов: стабильная доля озимых посевов, снижение удельного веса овса и рост посевов яровой пшеницы, изменение экономической конъюнктуры в период Первой мировой войны обусловило падение посевов пшеницы, рост площадей овса, «который закупался в больших количествах для нужд армии»¹².

Впечатляет критика источников урожайной статистики. Но в этом разделе монографии источниковедческий анализ занимает небольшой удельный вес. Отмечается значимость информации, предоставляемой в Уфимское земство. Важное значение имеет вывод о том, что «лучше использовать региональные (более представительные) данные, но и информация в ЦСК в сборниках «Урожай ...года», основанная на показаниях добровольных корреспондентов вполне достоверна»¹³. Авторы прослеживают динамику урожайности зерновых культур, показывают ее зависимость от климатических условий, использования крестьянами традиционных или современных агроприемов. Здесь же демонстрируются методы математической обработки ежегодных данных хозяйственно-статистических обзоров Уфимской губернии (в соавторстве с О. И. Дудиной)¹⁴. Что касается такого показателя, как состояние землевладельческого производства, то, по мнению авторов монографии, сведения о валовых и чистых сборах хлеба необходимо «воспринимать с известной долей условности»¹⁵. Вместе с тем, сопоставление данных ЦСК с земской урожайной статистикой позволило установить степень недостоверности данных ЦСК, которые превышали сведения земства на 20%.

Сопоставляя данные официальной статистики со сведениями, опубликованными в земских изданиях, привлекая итоги сельскохозяйственных переписей 1912–1913 гг. и 1917 г., авторы установили, что в Уфимской губернии ежегодно засеивалось около 2,8 млн дес. земли, а валовый сбор зерновых достигал 120 млн пудов зерна¹⁶. И здесь же дана краткая сводка о потоках хлебных грузов, которые вывозились из губернии железнодорожным и водным транспортом¹⁷.

Авторы уделили внимание транспортной инфраструктуре, которая в тот период была представлена сетью грунтовых дорог. Выявлен удельный вес шоссе (дорог с каменным покрытием), почтовых трактов, коммерческих и проселочных дорог. Приведены данные об их состоянии, протяженности и географическом размещении. Отмечается роль земств в строительстве дорог, мостов и финансировании расходов на ремонтные работы. Важное значение имеет вывод авторов о том, что гужевые дороги выполняли функции подъездных путей к речным пристаням и железнодорожным станциям. Анализ логистики этих транспортных артерий показывает, что местные проселочные тракты обеспечивали перевозки грузов и людей внутри уездов, а на крайнем западе, юго-востоке и севере Уфимской губернии «гужевой транспорт оставался вплоть до начала XX в. единственным видом сообщения»¹⁸.

Прослеживая эволюцию речного транспорта на рубеже веков, подчеркивают воздействие на этот вид инфраструктуры модернизационных процессов. Выделены составные части транспортной системы (Бельское пароходство) и

раскрыта ее роль в торговых связях губерний Поволжья и Южного Урала. Дан анализ деятельности Уфимской дистанции Елабужского инспекционного участка, уделено внимание работам по благоустройству пристаней, стоянок, затонов и фарватеров речных артерий. Безусловно, особую значимость имеют данные о географическом размещении пристаней, схемах маршрутов подвозов к ним хлебных грузов, сведений о сооружении речных судов, типах пароходов, парусных судов, барж и других водных транспортных средств. В монографии освещается деятельность судовладельцев. Акцентируется внимание на том, что местное пароходство оставалось «ареной конкуренции различных фирм и частных судовладельцев»¹⁹. Выявлены изменения в соотношении крупного и среднего предпринимательства в этой транспортной отрасли – 70 % буксирных пароходов в 1914 г. принадлежало крупным фирмам²⁰.

В монографии предпринята попытка (добавлю успешная!) проследить процесс формирования в регионе сети железных дорог. Особое внимание уделено сооружению Самаро-Златоустовской железной дороги (1885–1892 гг.) Подчеркивается, что строительство Сибирской железной дороги изменило геоэкономическую ситуацию – «Уфа и весь регион оказались на великом транспортном пути в Сибирь и Дальний Восток, получили круглогодичное быстрое и удобное сообщение с центром страны и даже с заграницей»²¹. Учитывая хозяйственную конъюнктуру, коронная администрация, городские думы, земства, региональное бизнес-сообщество выступали с инициативами по расширению сети железных дорог, в связи с этим велось сооружение Белорецкой, Троицкой железных дорог. Предполагались другие проекты, но их удалось реализовать частично. Лишь в конце XIX в. началось сооружение Волго-Бугульминской железной дороги, затем Западно-Уральской железной дороги. Бирское земство выступало с идеей строительства Московско-Кыштымской магистрали, велись работы по сооружению линии Казань–Екатеринбург. Созданная во второй половине XIX – начале XX в. сеть железных дорог оказала революционизирующую роль в ускорении модернизационных процессов в регионе, усилила экономические связи, что обусловило включение региона во всероссийский рынок»²².

Обычно об элеваторах и зернохранилищах в работах аграрников говорится скороговоркой. В монографии уфимских историков этой проблеме уделен раздел. Между тем уже в конце XIX в. проблема создания в России разветвленной сети элеваторов и зернохранилищ обсуждалась как в министерствах, так и в земствах. В переработке и хранении зерна были заинтересованы крестьяне-землевладельцы, предприниматели и кооперативные учреждения.

Авторы приводят данные о географическом размещении разных типов зернохранилищ. Ими

установлено, что уже к началу XX в. в Уфимской губернии «сложилась целая система крупных зернохранилищ, складских комплексов емкостью в миллионы пудов»²³. Отмечена заинтересованность крупных предпринимателей и Уфимского отделения Государственного банка в создании современной сети элеваторов как на станциях Самаро-Златоустовской железной дороги, так и на территориях, располагавшихся вдали от транспортных коммуникаций. Но Первая мировая война помешала реализовать в полном объеме план, принятый совещанием при Уфимском отделении Госбанка (1911 г.). Убедительно звучит вывод о том, что на рубеже XIX–XX вв. в регионе сложилась «разветвленная система коммуникаций, обеспечивающая полноценное функционирование хлебной торговли»²⁴.

Завершает монографию глава, в которой анализируется функционирование механизма хлебного рынка в Уфимской губернии. Авторы уделяют внимание таким основным составляющим, как система заготовок вдоль гужевых путей и на речных пристанях. Поначалу мне показалось, что параграф о навигации 1913 г. (поставка хлеба в Рыбинск) не вписывается в контекст монографии. Но затем оказалось, что в этом разделе авторы сумели воссоздать впечатляющую панораму функционирования хлебного рынка. Без этого раздела ощущалась бы некоторая незавершенность. И, конечно, вполне уместен параграф, в котором раскрывается деятельность мелкого предпринимателя, которой занимался скупкой хлеба в сельской местности и доставлял зерно на железнодорожные станции.

Круг вопросов, рассмотренных в этой главе, обширен. Авторы показывают участие разных социальных групп в хлебной торговле: сельских предпринимателей, общинников и «крепких» мужиков, мелких скупщиков. Воочию видишь, что эта категория (мелкие скупщики) пыталась повысить стоимость хлеба, «заговорить, обмануть мужика, обсчитать, обвешать»²⁵. Подчеркивается неустойчивость и сильная зависимость хлебной торговли от колебания урожаев и других факторов. Традиции оказались в этом секторе торговли живучи, что убедительно свидетельствовало о сохранении общинных форм хозяйственной жизни. Раскрываются причины сохранения услуг скупщиков – бедный общинник вынужденно продавал хлеб осенью по низким ценам (оплата налогов).

Ярко и эмоционально показана панорама региональной хлебной торговли, где взаимодействуют крестьяне-общинники и фермеры, мелкие скупщики (которых в народе звали мартышками), партионные торговцы и представители крупных фирм и торговых домов. Особо впечатляет, воссозданный авторами мир речных пристаней, в которых в качестве партнеров крестьян-посевщиков выступало региональное сообщество купцов-хлеботорговцев; прослежены изменения

в структуре бизнес-сообщества и роль в торговле хлебом семейных фирм Стахеевых, Груздевых, Халдиных и др. Вместе с тем подчеркивается, что «развитие кредитно-финансовой системы усиливало позиции мелких и средних предпринимателей, скупавших зерно на деньги, взятые в кредит»²⁶.

Авторы констатируют, что на крупных пристанях были иные условия для торговли, нежели чем на мелких и средних. В книге также анализируется состав заготовителей и покупателей хлеба.

Новые материалы о хлебной торговле нашли отражение в разделе, в котором анализируются поставки уфимского хлеба в Рыбинск. В 14 таблицах представлен статистический обзор специфики хлебной торговли в Волжско-Камском бассейне. Показаны маршруты движения речных судов, перевозивших хлеб, и подчеркнута роль Рыбинского порта – одного из главных центров хлебной торговли Европейской России. И вновь, как и в первых главах монографии, авторы уделяют внимание анализу и сопоставлению разнообразных источников, содержащих информацию о хлебной торговле. Так, по их мнению, «информацию Рыбинской биржи можно считать достоверной»²⁷.

В монографии детально освещены процессы заготовки хлебов, их перевозки по рекам Кама, Белая, Волга в период навигации 1913 г. Кроме анализа хлебных грузопотоков с речных пристаней в монографии показана роль торгово-промышленных сел, которые выступали также в качестве центров в формирующемся хлебном рынке региона. Уделено внимание и изучению персонального состава хлеботорговцев. Новые материалы приведены о деятельности трех фирм елабужских купцов Стахеевых, в имениях которых «велось крупное, высокотоварное производство зерна»²⁸. Семейный клан имел 4 мельницы и 2 винокуренных завода. Кроме полеводства в имениях было развито животноводство. Важное значение имеет вывод о том, что на каждой пристани был свой самостоятельный социум предпринимателей.

Воссоздан процесс формирования слоя мелких предпринимателей, которые занимались хлебной торговлей на территориях, примыкающих к Самаро-Златоустовской железной дороге. Отмечено, что, как и в Оренбургской губернии, скупка хлеба велась на ярмарках и базарах, практиковались закупки зерна в деревнях и на хуторах. Показана специфика торговли различных предпринимателей. Следует приветствовать стремление авторов воссоздать портреты коммерсантов – русских, башкир, немцев и евреев, купцов, мещан и крестьян. Эти реконструкции вносят своеобразную поэтику, а сам хлебный рынок предстает перед нами, как живой организм аграрного строя дореволюционной России.

Изучение регионального хлебного рынка М. И. Роднов продолжил в 2008–2012 гг. Эта

работа стала логическим продолжением монографии, изданной в 2008 г. Я вновь, в который уже раз, стал рецензентом очередной монографии²⁹.

И вот, пробираясь через дерби статистики, таблиц, карт, на которых зафиксировано географическое пространство рынка, схем маршрутов хлебных потоков, я вновь оказался в состоянии дежавю. Когда-то, в 1990-е годы, хлебный рынок Поволжья изучала моя ученица – ныне доктор исторических наук Н. Ф. Тагирова, а теперь уже мой новый ученик (как он сам часто повторяет) М. И. Роднов представил на мой суд свою новую книгу. Перед автором монографии стояла сложнейшая задача показать процесс формирования хлебного рынка Уфимской губернии, который складывался из ряда локальных рынков лесостепной и степной полосы, а также на горных заводах. Больше внимание уделено участию региона в экспортной и внутрироссийской хлебной торговле.

Подчеркиваю, что изучение пространство хлебного рынка неразрывно связано с необходимостью одновременно вести научную разработку проблем предпринимательства. Эта монография густо заселена живыми участниками событий – купцами, предпринимателями, сотрудниками земских учреждений и губернских статистических комитетов, крестьянами-общинниками и крупными посевищиками-фермерами.

Вновь впечатляет скрупулезность М. И. Роднова, которую он проявил при изучении хлебных грузов по речным путям, выполнявших важнейшую роль в транспортировке экспортного хлеба в морские порты на Балтике, Черном и Азовском морях.

М. И. Роднов показывает роль и место сети железных дорог (особо выделяя такую магистраль, как Самаро-Златоустовскую железную дорогу) в ускорении процесса формирования хлебного рынка. «Рост товарного земледелия в Башкирии и увеличение объемов вывозившейся продукции, развитие самостоятельного предпринимательского социума на станциях СЗЖД привели к дальнейшему расширению географии поставок»³⁰. Автор устанавливает, что вагоны с уфимским хлебом доставлялись на станции Московско-Киевско-Воронежской, Московско-Казанской, Сызрано-Вяземской, Сибирской магистралей, обеспечивая тем самым поставки хлеба на внутренний рынок России и на экспорт³¹.

Пожалуй, к числу достижений М. И. Роднова следует отнести его реконструкцию пространства регионального хлебного рынка. В этой связи большую значимость приобретает историографический анализ научных трудов экономистов и историков, предпринявших попытку провести районирование хлебной торговли. Он отдает пальму первенства в выделении вариантов локальных рынков В. П. Семенову-Тян-Шанскому и его группе, которые «собрали информацию о развитии всех основных компонентов мест-

ного рынка – торговле, ввозе и вывозе, главных центрах сбыта и производства, получив данные практически по всем основным отраслям экономики, от черной металлургии до кондитерского производства, от отправки хлеба до поступления фруктов и бумаги»³².

Не могут не впечатлять наблюдения и выводы М. И. Роднова, которые содержатся в разделе монографии «Уфа – как распределительный центр», который обеспечивал экономику региона промышленными изделиями, снабжал зерном и мукой не только население губернии, но и другие районы Урала. Уфа выполняла роль своеобразного мелкооптового «супермаркета». Автор приводит впечатляющие данные о создании хлебобулочного и кондитерского производства – производстве булочных изделий, печенья, конфет. Автор анализирует рекламные объявления, заполнившие страницы уфимской прессы: изменился тон рекламных объявлений, «исчезла излишняя комплиментарность, преобладает сухая информация»³³. Автору удалось воссоздать картину городской повседневности, приведено географическое размещение городских площадей, на которых шла оживленная торговля; показана роль городской думы в создании инфраструктуры, обеспечивающей производство и сбыт товаров на городском потребительском рынке.

Выявлены потоки зерна, муки, крупы, по которым снабжалось горнозаводское население. Подчеркнута роль железнодорожных поставок и таких центров, как Миасс и Челябинск.

Эти и другие данные позволили М. И. Роднову сформулировать вывод о том, что к концу XIX в. в регионе сложились два основных локальных рынка – северо-западный (бельско-камский) и южный, центром которого являлась Самаро-Златоустовская магистраль. Кроме того, «сформировалась густая сеть более мелких локальных рынков вокруг центров тяготения – речных пристаней и железнодорожных станций»³⁴. Он также говорит о наличии двух потребительских рынков – уфимском и горнозаводском. Весьма значим вывод о незавершенности складывания местного хлебного рынка, «экспортная значимость проявлялась не только в существовании огромного слоя полунатурального слабвовлеченного в товарно-денежные отношения общинного крестьянства (особенно на северо-западе края), но и в узости внутреннего (внутригубернского) спроса на хлеб»³⁵. В то же время констатирует, что «внутридеревенская торговля – снабжение бедняцких слоев населения – в разы превышала емкость «городских» рынков»³⁶.

В последнее время М. И. Роднов стал активно изучать помещичье хозяйство Уфимской губернии. Уверен в том, что в его исследовании будут представлены новые оригинальные выводы. Здесь можно было бы еще много говорить о М. И. Роднове как демографе, историографе и

источниковеде, краеведе, воссоздающем живые картины прошлого, публицисте – страстном пропагандисте отечественной истории. Его увлеченность, стремление изучать истину, умение вести дискуссию, несомненно, выделяют его как ведущего историка, находящегося на гребне современной российской историографии.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта проведения научных исследований «Аграрная история России XX веков: историография и источники» (проект № 13-01-00081).

Примечания

- 1 Роднов М. И., Дегтярев А. Н. Хлебный рынок Уфимской губернии в конце XIX – начале XX века. Уфа, 2008. 258 с.
- 2 Там же. С. 9–10.
- 3 Там же. С. 14.
- 4 Там же. С. 15.
- 5 Там же.
- 6 Там же. С. 16.
- 7 Там же. С. 22.
- 8 Там же. С. 33.
- 9 Там же. С. 37.
- 10 Там же. С. 41.

- 11 Роднов М. И., Дегтярев А. Н. Указ. соч. С. 51.
- 12 Там же. С. 57.
- 13 Там же. С. 69.
- 14 Там же. С. 77.
- 15 Там же. С. 79.
- 16 Там же. С. 87.
- 17 Там же.
- 18 Там же. С. 93.
- 19 Там же. С. 121.
- 20 Там же. С. 122.
- 21 Там же. С. 126.
- 22 Там же. С. 131.
- 23 Там же. С. 135.
- 24 Там же. С. 139–140.
- 25 Там же. С. 145.
- 26 Там же. С. 169.
- 27 Там же. С. 173.
- 28 Там же. С. 204.
- 29 Роднов М. И. Пространство хлебного рынка (Уфимская губерния) в конце XIX – начале XX вв. Уфа, 2012.
- 30 Там же. С. 77.
- 31 Там же. С. 90.
- 32 Там же. С. 151.
- 33 Там же. С. 171.
- 34 Там же. С. 202.
- 35 Там же. С. 203.
- 36 Там же. С. 203.

УДК 94(575.1+575.2+575.3+575.4)

РУССКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

И. В. Чибров

Саратовский государственный университет
E-mail: chibroviv@list.ru

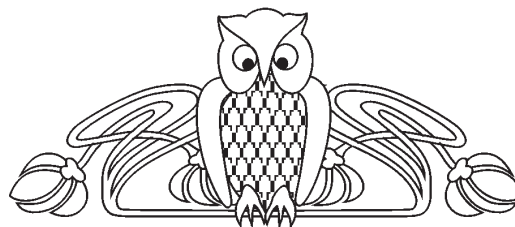
На основе данных К. П. Кауфмана, а также современных исследователей рассматриваются проблемы, связанные с русской колонизацией Средней Азии, в частности, причины ухода крестьян из Центральной России, положение переселенцев, роль государства в процессе переселения. Особое внимание обращается на особенности заселения различных областей, связанные с политическими и природно-климатическими факторами.

Ключевые слова: колонизация Средней Азии, переселенческий закон 1889 г., положение переселенцев.

Russian Colonization of Central Asia in the Second Half of XIX – Early XX Centuries

I. V. Chibrov

Based on the data of KP Kaufman, as well as modern researchers considered problems related to Russian colonization of Central Asia, in particular, the reasons for the peasants leaving of central Russia,

the resettlers' position, the state's role in the resettlement process. Special attention is drawn to the specificity occupation of different areas related to the political and climatic factors.

Key words: colonization of Central Asia, colonization law in 1889, resettlers position.

Во второй половине XIX в. русская армия стремительно продвигалась на юго-восток, в Среднюю Азию. За короткий промежуток времени в состав Российской империи были включены обширные территории, заселенные полиэтничным населением. Их завоевание поставило вопрос о включении данного региона как в систему управления государством, так и в экономику империи. Первое время на завоеванных территориях – в Оренбургской, Семипалатинской областях – создавались казачьи поселения, целью которых был контроль над местным населением. Вслед за военными в данный регион приходили и мирные жители. Таким образом, правительство решало две проблемы: с одной стороны, проблему аграр-